

Замѣтки петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны ¹⁾.

Верховный Главнокомандующий Государь Императоръ во время объѣзда войскъ на фронтѣ подвергается личной опасности. Это выражено особенно рельефно въ „Русскомъ Инавалидѣ“ ²⁾.

„30 марта утромъ Государь Императоръ отбылъ въ автомобиль для посѣщенія войскъ одной изъ пѣхотныхъ дивизій. По окончаніи смотра, Государь Императоръ въ тѣхъ же милостивыхъ выраженіяхъ благодарилъ войска за молодецкую службу, желая имъ полного успѣха. Генералъ-адъютантъ Брусиловъ передъ фронтомъ войскъ провозгласилъ „ура“ Государю Императору. Хоры музыки заиграли гимнъ, и мощное „ура“ далеко раскатилось по полю. Государь Императоръ, отдавая честь войскамъ, медленно преслѣдовалъ къ автомобилю.

Во время объѣзда Государемъ Императоромъ войскъ, съ непріятельской стороны показались два аэроплана, направлявшіеся къ мѣсту смотра. Немедленно наша артиллерія открыла по нимъ огонь и заставила ихъ повернуть обратно; погода была солнечная, и въ воздухѣ ясно были видны разрывы снарядовъ“.

¹⁾ См. „Русск. Стар.“, августъ 1916 г.

²⁾ „Рус. Ивв.“ № 39 № 90 с. г.

„На лѣвомъ флангѣ у Хотина, около 11 часовъ утра 30-го марта, непріятельскій аэропланъ, прилетѣвшій со стороны Бояна, былъ встрѣченъ нашими аэропланами и вынужденъ вернуться обратно.

Въ это же время другому непріятельскому аэроплану удалось долетѣть до Жванца, на Днѣстрѣ, противъ Хотина и сбросить здѣсь 5 бомбъ. Осколками одной изъ нихъ былъ раненъ стоявшій на посту рядовой Анатолий Поставневъ. Освѣдомившись о семъ, Государь Императоръ, объѣзжавшій въ это время войска въ 6 верстахъ сѣвернѣе Жванца, повелѣлъ наградить раненаго Георгіевскимъ крестомъ 4-й степени“.

10—15 апрѣля. 24 октября 1914 года на позиціи у Бакаларжева 3-я горная батарея 2 финляндской стрѣлковой артиллерійской бригады, съ большимъ отличіемъ состязаясь съ большими дистанціями съ превосходной артиллеріей противника, повесла значительныя потери. Отходя назадъ, нижніе чины примѣтили на одной изъ полянокъ небольшой плоскій мѣшечекъ. Батарея приостановилась. Подняли мѣшечекъ и осмотрѣли, что тамъ находится. Оказалась икона Святителя Николая Чудотворца. Всѣ чины батареи сочли это за знаменіе свыше и положили считать Св. Угодника Николая покровителемъ батареи. Въ дѣйствительности оказалось, что съ этихъ поръ, по дню разказа (10 апрѣля 1916 г.), несмотря на то, что батарея принимала участіе въ самыхъ жестокихъ бояхъ, въ ней не было ни одного убитого и раненаго въ бою. Чины батареи были такъ увѣрены въ заступничество Святого Угодника, что зачастую пренебрегали самыми необходимыми мѣрами предосторожности. Когда же, по распоряженію свыше, нижніе чины переводились въ другія части, то убѣгали изъ нихъ въ свою родную батарею, подъ покровъ св. угодника Николая.

15 апрѣля. Нашъ военный агентъ въ Италіи представилъ въ Главное Управленіе Генеральнаго Штаба свѣдѣнія

о возмутительномъ обращеніи австрійцевъ съ нашими военнопленными ¹⁾).

Дисциплина все время была желѣзная, чисто австрійская. Малѣйшія нарушенія установленнаго порядка или просто ошибки, часто являвшіяся послѣдствіемъ непониманія требованія конвойныхъ, вслѣдствіе незнанія языка, жестоко карались карцеромъ, сковываніемъ вмѣстѣ руки съ ногой, подвѣшиваніемъ къ столбу, лишеніемъ пищи и побоями. Во второй половинѣ мая 1.000 нашихъ нижнихъ чиновъ были переведены къ перевалу Бретсеръ въ Тиролю, гдѣ ихъ намѣревались использовать для укрѣпленія позиціи, избранной для обороны на случай наступленія итальянцевъ.

Вечеромъ перваго же дня пленные черезъ унтеръ-офицеровъ обратились къ австрійскому офицеру—начальнику партіи, съ просьбой освободить ихъ отъ работы, исполненіе которой противно принятой ими присягѣ. Представители партіи присовокупили, что послѣдняя безпрекословно ставитъ на любую иную работу, какъ бы она ни была тяжела, но рѣшительно отказываются работать во вредъ Італіи, союзницы Россіи.

Въ отвѣтъ на это имъ было заявлено, что партія будетъ расстрѣляна, если не подчинится предъявленному ей требованію. Вмѣстѣ съ тѣмъ начальникъ партіи обратился къ начальнику обороны Тироля съ ходатайствомъ о присылкѣ въ его распоряженіе достаточной вооруженной силы. Ходатайство это было уважено, и 28 мая 130 учениковъ подготовительной офицерской школы въ Инсбрукѣ, подъ начальствомъ капитана Цильца, прибыли въ Бренсбромъ.

Въ теченіе предшествовавшихъ этому числу трехъ дней наши нижніе чины единодушно отказывались приступить къ работамъ. Въ наказаніе австрійцы подвергли ихъ голодовкѣ, вслѣдствіе чего къ моменту прибытія учениковъ сила физическаго и моральнаго сопротивленія ихъ была уже нѣсколько надломлена.

Австрійскій офицеръ, окруживъ ихъ учениками и приказавъ послѣднимъ зарядить винтовки, спросилъ пленныхъ, будутъ ли они работать. Послѣдовалъ дружный отказъ, а за нимъ—команда офицера, по которой ученики приложились. Пленные одно мгновеніе, казалось, хотѣли брѣ-

¹⁾ „Нов. Вр.“ 12 апр.

ситься на своихъ мучителей, но тотчасъ же успокоились и начали готовиться къ смерти, творя молитву, крестясь и кладя земные поклоны.

Въ этотъ моментъ начальникъ партіи, поручикъ пѣхоты Урбинъ изъ Вѣны, докторъ правъ, вновь обратился къ партіи съ вопросомъ, предпочитаютъ ли они смерть повиновенію. 600 человекъ отвѣтили согласіемъ работать, но остальные 400 гордо заявили, что умрутъ, но не измѣнятъ присягѣ. Первыхъ немедленно увели на работу, вторыхъ же заключили въ помѣщеніе, настолько тѣсное, что ни сѣсть, а тѣмъ болѣе растянуться, эти несчастные, голодавшіе уже четверо сутокъ, въ немъ не могли. Для отправленія естественныхъ надобностей ихъ выводили подъ конвоемъ не болѣе одного за разъ, и послѣдствія этой мѣры въ выясненіи не нуждаются.

При такихъ обстоятельствахъ, унтеръ-офицеры, передъ тѣмъ руководившіе людьми, отказались далѣе вліять на нихъ, предоставляя имъ самостоятельно распорядиться своею жизнью, вслѣдствіе чего къ утру слѣдующаго дня число несогласавшихся работать уменьшилось до 200 человекъ.

Чтобы подорвать нравственное сопротивленіе и этой кучки, австрійцы прежде всего отдѣлили отъ нея унтеръ-офицеровъ, которыхъ увели въ другое помѣщеніе, и здѣсь, въ теченіе двухъ сутокъ, поочередно подвѣшивали ихъ на два часа къ столбу. Несчастные, физически окончательно разбитые этой пыткой, падали на землю, плакали и просили смерти, но палачи ихъ—будущіе офицеры австро-венгерской арміи—хладнокровно продолжали свое дѣло. Многие изъ нихъ смѣялись при видѣ мученій плѣнныхъ. Наконецъ, вечеромъ второго дня унтеръ-офицеровъ куда-то увели.

Исчерпавъ всѣ средства понужденія въ отношеніи остальныхъ нижнихъ чиновъ, вѣрность долгу которыхъ оставалась непоколебимой, австрійцы утромъ 1 іюня рѣшили прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ.

Изъ числа плѣнныхъ были избраны 6 человекъ, а первому былъ вновь поставленъ обычный вопросъ, на который онъ громкимъ и твердымъ голосомъ отвѣтилъ отрицательно. Когда были окончены приготовленія къ его разстрѣлянью, онъ перекрестился, положилъ земной поклонъ и затѣмъ, вытянувъ руки по швамъ, не дрогнувъ, принялъ въ лобъ

и въ сердце тѣ пули, которыми четверо добровольно вызвавшихся разстрѣлять его въ разстояніи всего лишь въ 20 сантиметровъ совершили свое гнусное дѣло. Изъ этихъ четырехъ будущихъ офицеровъ авторъ показанія называлъ трехъ: Шпранца и Редлиха изъ Инсбрука и Феррари изъ Боцена.

За первымъ были разстрѣляны слѣдующіе двое, столь же славно принявшіе смерть. Четвертый не выдержалъ, согласился работать и такимъ образомъ спасъ себѣ жизнь. Пятый послѣдовалъ примѣру первыхъ трехъ. Настала очередь шестого, который, стоя уже съ завязанными глазами, въ отвѣтъ на вопросы австрійцевъ осыпалъ ихъ бранью. Знакъ саблею австрійскаго поручика, и онъ послѣдовалъ бы за товарищамъ, но въ этотъ моментъ присутствовавшіе плѣнные не выдержали нравственной пытки и въ большинствѣ заявили о своемъ согласіи работать. Разстрѣляніе шестого нижняго чина было отмѣнено къ великому неудовольствію послѣдняго, кричавшаго, что онъ работать не будетъ, и требовавшаго смерти.

Послѣ этого плѣнныхъ увели на работу, за исключеніемъ девяти человѣкъ и среди нихъ вышеупомянутаго нижняго чина, категорически отказавшихся слѣдовать за другими и заявившихъ, что предпочитаютъ смерть. Ихъ не разстрѣляли, но заставили рыть могилу для убитыхъ товарищей; дальнѣйшая ихъ судьба неизвѣстна.

Въ настоящее время въ Бреннербадѣ въ 100 шагахъ передъ лучшей въ мѣстечкѣ гостиницей стоитъ деревянный крестъ, на которомъ по-русски сдѣлана анилиновой краской слѣдующая надпись: „1 іюня 1915 года здѣсь умерли четыре русскихъ нижнихъ чина. Миръ и покой“.

Начинается повышение домовладѣльцами платы за квартиры. Главный поводъ повышения это дрова. Обыкновенное явленіе, это фиктивное якобы не повышение платы—отнятіе дровъ. Цѣна прежняя: дрова отняты и на прислугу прибавлено. Справедливость соблюдена.

Германія постоянно тормозила въ прежнее время нашу желѣзную дорогу на Мурманъ всѣми силами, черезъ подставныхъ русскихъ подданныхъ препятствуетъ проведенію этой дороги и теперь въ проектѣ о Бѣломорской желѣзной дорогѣ. Она готовитъ адѣсь новыя горы золота и бумаги.

Пламенно желаютъ строить Обь-Бѣломорскую и Обь-Мурманскую дорогу г.г. Вельтманъ, Цейдлеръ, Вертъ, Богословское общество и коммерческій Азовско-Донской банкъ¹⁾

Съ 10 по 15 апрѣля на западномъ нашемъ фронтѣ происходили незначительныя боевыя столкновенія нашихъ развѣдчиковъ, ваветы воздушныхъ кораблей и минная война.

На Кавказскомъ фронтѣ отбиты атаки турокъ въ Ашкалинскомъ, Трапезондскомъ и Эрзинжанскихъ направленіяхъ.

Верховный Главнокомандующій провелъ дни Страстной Недѣли и встрѣтилъ Великій Христіанскій Праздникъ въ единеніи со всѣми чинами Своего штаба²⁾.

Начальникъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго, генеральнаго штаба, генераль-отъ-инфантеріи Алексѣевъ назначается генераль-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству, съ оставленіемъ въ занимаемой должности³⁾.

Слышалъ рассказъ одного поручика, три раза раненнаго и страшно изувѣченнаго. Онъ признанъ негоднымъ къ строевой службѣ и занимаетъ одну изъ должностей на военныхъ сообщеніяхъ.

¹⁾ „Руское Слово“ 15 апрѣля.

²⁾ „Рус. Инв.“ № 97.

³⁾ Тамъ же.

Онъ удивлялся отношенію предержавшихъ къ прибалтійскимъ баронамъ. Про нѣкоторыхъ изъ нихъ точно извѣстно, что они совершали измѣны, а между тѣмъ никто изъ нихъ не повѣшенъ и не преданъ суду, а лишь только высланы изъ края. Даже тогда, когда бароновъ коснулось обвиненіе въ особой государственной измѣнѣ, то баронъ Гротгусъ и Фрейманъ подверглись только каторжной тюрьмѣ. Совершенно иначе обстояло дѣло, когда баронъ былъ захваченъ нашими войсками на службѣ у германцевъ. Такъ было въ Млавѣ въ 1914 году, гдѣ былъ захваченъ въ плѣнъ германскій офицеръ, который былъ опознанъ солдатами полка за лично имъ извѣстнаго уроженца Прибалтійскаго края. Этотъ баронъ и шпіонъ еврей были немедленно повѣшены на одной и той же висѣлицѣ.

Прибалтійскіе помѣщики частью высланы, частью сидятъ въ усадьбахъ, частью бѣжали въ Германію. Латыши массами идутъ въ добровольцы и зорко слѣдятъ за помѣщиками.

Бѣжавшіе изъ плѣна и пробывшіе нѣкоторое время въ занятыхъ германцами нашихъ земляхъ рассказываютъ о томъ обращеніи, которому подвергають нѣмцы занятая ими губерніи. Наложеніе огромныхъ контрибуцій на населеніе, захватъ всѣхъ жатвъ, захватъ матеріальнаго имущества страны, вырубка всѣхъ лѣсовъ, вывозъ въ Германію фабрикъ и заводовъ. Только въ видѣ исключенія, помѣстнымъ условіямъ, приспособляются на мѣстѣ къ работѣ фабрики и заводы.

Поэтому и намъ, при подлежащемъ занятіи германскихъ областей, надо поставить неуклонной цѣлью послѣ ихъ занятія исполнять то же самое: жатву снимать, лѣса вырубать, желѣзнодорожный составъ и рельсы вывозить, фабрики и заводы эвакуировать въ Россію, а стѣны разрушать.

Военные заводы подвергать самому детальному уничтоженію.

16 апрѣля. Сотрудникъ „Новаго Времени“ Тупинъ передаетъ поразительныя данныя относительно ликвидаціи

50 крупныхъ нѣмецкихъ торгово-промышленныхъ предпріятій въ Ригѣ. Ликвідація поручена почти только нѣмцамъ. Даже составъ чиновниковъ въ Петроградѣ, которые вѣдали ликвидаціей, состоялъ исключительно изъ нѣмцевъ. Когда же Господь избавитъ отъ этой народной напасти. Не даромъ же г.г. кадеты для созданія и усиленія власти прогрессивнаго блока яростно утверждаютъ, что русскіе не имѣютъ законнаго права преслѣдовать въ Россіи нѣмецкую національность. Она-де одна изъ національностей Россіи, а не врагъ Россіи и травить-де ее русскіе не имѣютъ никакого права.

Вотъ какими типами представляются теперь плѣнные нѣмцы ¹⁾.

Раньше, бывало, спросишь какого-нибудь плѣннаго нѣмца: откуда, какого полка?—Уставится въ землю и молчитъ. Слова не выжмешь. Теперь картина перемѣнилась: плѣнные нѣмцы первые обращаются къ нашимъ солдатамъ съ разными вопросами. Но нѣмецъ—всегда и вездѣ нѣмецъ. Наглость не покидаетъ его даже и въ плѣну...

— У васъ въ плѣну хорошо, вы вѣдь будете кормить насъ такъ, какъ у насъ не кормятъ даже солдатъ.—откровенно заявилъ мнѣ одинъ изъ Фрицей.

— А какъ живутъ наши у васъ въ плѣну? —спросилъ я его.

— Вашимъ живется у насъ хуже... О, много хуже.

И какъ бы въ оправданіе, нѣмецъ тотчасъ же пояснилъ:

— Это потому, что у насъ мало хлѣба, а Россія можетъ прокормить своимъ хлѣбомъ три Германіи...

По крайней мѣрѣ—откровенно. Но, рассчитывая отъѣсться послѣ отечественной голодовки на русскомъ хлѣбѣ, нѣмцы простираютъ свою наглость еще дальше. При допросахъ плѣнныхъ, часто приходится слышать заявленія нѣмцевъ о ихъ желаніи отбывать плѣнъ въ опредѣленныхъ пунктахъ, при чемъ приводятся такія причины:

— Тамъ у меня братъ, тоже плѣнный...

— Тамъ содержится мой дядя...

А одинъ такъ прямо заявилъ:

— Въ этомъ городѣ я жилъ до войны, тамъ у меня много знакомыхъ...

¹⁾ „Веч. Вр.“ 18 января.

Плѣнъ, какъ видно, мало удручаетъ Карлушей. Они скорѣй склонны смотрѣть на него какъ на отдыхъ послѣ повеселенныхъ ими трудовъ на благо своего фатерланда.

Хорошій урокъ получила нѣмецкая наглость отъ одного нашего новобранца. На одной изъ станцій стоялъ поѣздъ съ нашими солдатами. На ту же станцію пришелъ поѣздъ съ плѣнными нѣмцами. Въ этомъ поѣздѣ одинъ вагонъ былъ съ нѣмецкими офицерами.

Поѣздъ съ плѣнными остановился противъ поѣзда, въ которомъ были наши солдаты.

Тѣ, конечно, тотчасъ же повысыпали изъ вагоновъ взглянуть на „нѣмца“.

Одинъ изъ солдатъ, недавно только призванный и еще не бывавшій на войнѣ, особенно заинтересовался плѣнными. Подойдя къ вагону, въ которомъ были нѣмецкіе офицеры, онъ принялся разсматривать выглядывавшаго изъ окна нѣмецкаго лейтенанта. Разсматривалъ долго, сосредоточенно, почти научая. Нѣмцу это, вѣроятно, не понравилось.

— Ты чего смотришь?—вдругъ грубо по-русски, спросилъ лейтенантъ.

Новобранецъ, услышавъ отъ нѣмца русскую рѣчь, сначала какъ будто удивился. Потомъ спокойно сказалъ:

— А развѣ на тебя и смотрѣть-то нельзя?

— Мужикъ...—перекосившись, пробормоталъ нѣмецъ.—

А куда ты ѣдешь?—снова спросилъ онъ.

— Далече, нѣмчура...

— Куда именно?

— Ишь любопытный!.. Въ Берлинъ...

Нужно было видѣть ту невозмутимость, съ которой были сказаны эти слова, и ту ярость, которая овладѣла лейтенантомъ, получившимъ такой отвѣтъ...

17 апрѣля. Пріѣхалъ въ Петроградъ представитель Совѣта Министровъ Сербіи Никола Пашичъ. Заслуга его, великаго политическаго дѣятеля Сербіи и славянъ, громадна. Его выдающаяся политическая дѣятельность, какъ главы правительства началась съ новой сербской династіи. Король Милянъ оставилъ Сербію подъ ужасающимъ политическимъ и экономическимъ гнетомъ Австріи. Пашичъ достигъ сначала экономической независимости Сербіи отъ Австріи, заключивъ торговые договоры съ другими странами внѣ Австріи и

Германіи. Также точно были заключены займы и поставка вооруженія и боевыхъ запасовъ не въ Австріи и не въ Германіи.

Особенно онъ былъ друженъ съ нашимъ посланникомъ въ Болгаріи Гартвигомъ, и съ нимъ вмѣстѣ они ковали неслыханный доселѣ союзъ балканскихъ народовъ и войну этого союза съ Турціей.

Событія политическія недавняго прошлаго у всѣхъ въ памяти.

Съ истиннымъ сочувствіемъ привѣтствуемъ этого великаго славянскаго дѣятеля въ Петроградѣ.

Въ Англіи къ 12 февраля, а во Франціи къ 1 марта 1915 г. не было ни одного австрійскаго или германскаго предпріятія. Всѣ были секвестрованы и обращены на нужды государства.

У насъ, въ Россіи, гдѣ нѣтъ уголка, свободнаго отъ нѣмецкаго промышленника, купца и земледѣльца, съ большою и непонятною осторожностью отдають подъ надзоръ правительственныхъ инспекторовъ предпріятія нашихъ враговъ.

Дѣло это у насъ стоитъ совершенно на мертвой точкѣ.

18 апрѣля. Телеграфъ привезъ извѣстіе о томъ, что генераль Тауншендъ, осажденный турками въ Кутѣ, принужденъ былъ сдаться въ виду недостатка съѣстныхъ припасовъ.

Изъ циркуляра, обнаруженнаго при убитомъ германцѣ ¹⁾, усматривается, что Германія вовсе не склонна къ разбруженію и теперь уже заботится о будущемъ. Она предчувствуетъ крушеніе своего черезчуръ смѣлаго плана владычества надъ міромъ, но эта неудача знаменуетъ для нея только временную отсрочку, которой слѣдуетъ воспользоваться въ цѣляхъ подготовленія будущихъ поколѣній къ возобновленію прерванной борьбы. Этотъ циркуляръ изданъ высшими властями Франкфурта-на-Одерѣ и разосланъ во всѣ школы. Онъ пачинается насмѣшкой надъ наивностью

¹⁾ „Нов. Вр.“ 18 апрѣля с. г.

легковѣрныхъ людей, считающихъ возможнымъ даже теперь, послѣ настоящей войны, какое-то братство народовъ. „Одной изъ главныхъ заботъ педагогическаго персонала школъ,—говорится дальше,—должно быть тщательное наблюденіе за тѣмъ, чтобы страшные уроки только-что пережитаго нами прошлаго и настоящаго запечатлѣлись на всю жизнь въ умахъ подросткающаго поколѣнія. Необходимо прежде всего внушить всему нашему народу убѣжденіе, что, только благодаря своимъ грознымъ сухопутнымъ и морскимъ силамъ, Германія можетъ обезпечить себѣ миръ и процвѣтаніе, и въ силу этого никакія постороннія попытки склонить ее къ братанію съ иностранными сосѣдями не должны заставить ее хоть сколько-нибудь сократить дальнѣйшее вооруженіе“.

Такимъ образомъ, благодаря ознакомленію съ означеннымъ циркуляромъ, для насъ не остается сомнѣній, что происходящая въ настоящее время борьба имѣетъ цѣлью не только удержаніе настоящей Германіи въ необходимыхъ границахъ, но и воспрепятствованіе дальнѣйшему ея росту въ будущемъ, которое она готовится уже въ настоящее время, заранѣе устраняя съ своего пути всѣ „сказки“ о братствѣ народовъ и всеобщемъ разоруженіи.

19 апрѣля. Рассказываютъ, что за наемъ баржъ для перевозки дровъ стоимостью въ 500 рублей грабители мародеры просятъ теперь 3.600 рублей. Быть можетъ, это происходитъ оттого, что водные пути не подчинены военному вѣдомству и баржи не реквизируются.

„Koelnische Zeitung“, „Frankfurter Zeitung“ и „Kreuz-Zeitung“ посвящаютъ не мало мѣста вопросу о борьбѣ съ нѣмецкимъ засильемъ и конечно грозятъ намъ за это:

„Послѣ заключенія мира виновные (?), разумѣется, подвергнутся заслуженной карѣ“. „Прибалтійскіе нѣмцы уже не вернутся подъ господство Россіи для дикой травли всего нѣмецкаго“.

Газеты находятъ, что несомнѣнно правильно рѣшеніе (?) Германіи „поставить освобожденіе Прибалтійскаго края непремѣннымъ условіемъ при заключеніи мира“.

Г. Филатовъ въ „Русскомъ Словѣ“ передалъ, какъ эта Пасхальная ночь была проведена тамъ, на позиціяхъ.

„Тихая весенняя ночь. Воздухъ прозрачный и теплый. До церкви идти версты двѣ назадъ,—она расположена у штаба дивизіи,—и даже фонаря не надо: хотя звѣзды свѣтятъ слабо, но вся атмосфера проникнута слабымъ сіяніемъ весеннихъ ночей.

Идетъ весь нашъ отрядъ: уполномоченный, оба доктора, три сестры и студенты; завѣдующій обозомъ построилъ санитаровъ въ колонну, и она гулко отбиваетъ ногу.

— Такъ приличнѣе,—объяснилъ онъ,—я то пруть, какъ бараны,—и самъ сталъ маршировать во главѣ.

Эта стройность должна была утѣшить генерала, который вотъ уже цѣлую зиму не можетъ привыкнуть къ санитарамъ:

— Ня пройти, ня козырнуть не умѣютъ.

Чѣмъ ближе къ церкви, тѣмъ больше попадаются отдѣльные люди и колонны: идутъ изъ парковъ, батарей, обозовъ. Только самые необходимые люди остаются,—одна бѣдная пѣхота сидитъ, прикованная къ окопамъ. Въ церковь могутъ пойти только резервный полкъ, да по три человека отъ завода, чтобы святить куличи.

Издаലെка сіяетъ свѣчами зеленая церковь. Она была построена еще осенью изъ хвои, но теперь подновлена и расширена. Алтарь въ видѣ зеленого шатра не только съ Царскими, но и съ боковыми вратами. Передъ нимъ построены открытый навѣсъ, служащій какъ бы солеей, подъ нимъ впереди всѣхъ стоятъ штабъ и сестры,—имъ заранѣе было назначено почетное мѣсто; здѣсь же стоятъ еще четыре дамы: это жены офицеровъ, пріѣзжавшія на Пасху. Съ одной стоитъ дѣвочка лѣтъ тринадцати. Она гоститъ вмѣстѣ съ матерью уже третій день и на все смотритъ удивленными, расширенными глазами. Эта поѣздка, вѣроятно, наложитъ отпечатокъ на всю ея жизнь.

Самая церковь—просто четырехугольная площадка, огороженная хвоей; теперь ея западная стѣна разобрана, и толпа молящихся далеко выходитъ за ея предѣлы. Я нарочно отошелъ въ сторону. Несмотря на тишину, огоньки свѣчей все-таки колебались, сливались въ одинъ сплошной свѣтлый столбъ, который поднимался высоко къ небу. Подходишь ближе,—мелькаютъ солдатскія лица, сосредоточенныя, спокойныя: на нихъ не видно праздничнаго на-

*) „Рус. Сл.“ 16 апр. с. г.

строевiя. Вѣроятно, у большинства мысли далеко отсюда; въ деревенскихъ церковкахъ, гдѣ съ дѣтства привыкли они встрѣчать Свѣтлый праздникъ. Теперь на фронтѣ, какую бы ни дали обстановку, изъ всѣхъ пасхальныхъ пѣснопѣвiй дѣйствительно близокъ и соотвѣтствуетъ настроенiю лишь одинъ стихъ: „и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ“, ибо большинство присутствующихъ, проникнутые торжественными словами, чувствуетъ себя оторванными отъ мiра и накрытыми тяжелой крышкой войны, которая давить не хуже гробовой.

Торжественно обходить крестный ходъ вокругъ окопъ, богослуженiе проходитъ чинно подъ звуки очень недурного солдатскаго хора.

Послѣ заутрени всѣ христосуются, поднимается гулъ и шумъ. Святятъ куличи,—именно куличи,—ибо пасокъ и яицъ почти нѣтъ.

Сейчасъ же послѣ заутрени, не дожидаясь обѣдни, ѣду съ однимъ изъ офицеровъ къ окопамъ, гдѣ тоже, вѣдь, празднуютъ Пасху. Тамъ, гдѣ можно было прiютиться въ лѣсочкахъ, полковные священники отправляли богослуженiе совсѣмъ вблизи фронта, а по части окоповъ прошелъ крестный ходъ. Овъ могъ бы пройти по всѣмъ окопамъ, такъ какъ стрѣльбы въ эту ночь совсѣмъ не было.

Въ этомъ году наша и западно-европейская Пасхи совпали. Этимъ въ большой степени и объясняется снохоиствiе нѣмцевъ, которые вообще съ вашими праздниками не считаются.

Въ окопахъ холодно, надъ рѣкой виситъ предутреннiй туманъ, который заползаетъ холодной слизью, но здѣсь у солдатъ нѣтъ того гнетущаго чувства, какъ въ дивизионной церкви,—здѣсь все-таки всѣ напряжены, насторожь. Первое, что мы услышали:

— Ваше благородiе, а германецъ-то не стрѣляетъ!

— Да у нихъ тоже праздникъ.

— Вотъ мы такъ и полагали. Многие, не дожидаясь разговѣвъ, благо нѣмецъ молчитъ,—спятъ, свернувшись клубочкомъ, на соломѣ окопа, нѣкоторые даже въ землянки залѣзали.

Прошли по окопамъ, засѣли въ землянку погрѣться у печки. Шумъ слышенъ: вышелъ полковой командиръ, обходить, здоровается со старыми солдатами,—немного ихъ,—христосуется; раздають подарки,—полковныя дамы прислали кисеты.

Вотъ это сразу оживило.

Громадное удовольствіе солдатамъ подарки оттуда, „изъ Рассеи“, а кисеты являются чѣмъ то въ родѣ сюрпризовъ, — сколько ожиданія, пока раскроетъ.

Обходъ полка затягивается. Уже солнце поднимается надъ горизонтомъ, когда мы вылѣзаемъ изъ послѣдней роты. Всѣ ноги посбили, устали и идемъ разговляться въ штабъ полка.

— Гдѣ будемъ встрѣчать слѣдующую Пасху? — вотъ всѣхъ занимающій вопросъ.

— Должно быть въ окопахъ, — говорятъ почти всѣ. — Гдѣ только будутъ окопы?

На эту тему гадаютъ разнo, но утвержденіе Вильгельма о лаврахъ на головахъ нѣмцевъ-побѣдителей вызываетъ только улыбку. Будутъ ли нѣмцы разбиты черезъ годъ, это — вопросъ, но что они не будутъ побѣдителями, это ясно для всѣхъ: такихъ благопріятныхъ условій, какъ въ 1915 году, они уже не будутъ имѣть.

20 апрѣля. Слышалъ рассказъ унтеръ-офицера Онежскаго полка Сибрика. Онъ былъ старшимъ команды развѣдчиковъ и уволенъ въ отставку, т. к. имѣеть 37 раненій и ослѣпъ на оба глаза. За свои выдающіеся боевые подвиги онъ награжденъ 4 медалями и георгіевскими крестами всѣхъ четырехъ степеней. И за большія заслуги пожалованы ему эти кресты. То онъ съ четырьмя человекaми, пользуясь туманомъ, заставляетъ бросить оружіе 37 челoв. и беретъ два пулемета. Когда же, при выяснившейся обстановкѣ, непріятель замѣтилъ незначительное число побѣдителей, то онъ оказался уже безъ оружія. То онъ съ 2 человекaми уничтожаетъ большой развѣдъ противника съ захватомъ части его въ плѣнъ. То онъ подъ самымъ Краковомъ въ ноябрѣ 1914 г., находясь въ арміи Радко Дмитриева, захватываетъ донесеніе высшаго штаба, громадной важности.

Въ „Новомъ Времени“¹⁾ приводится интересное сообщеніе подъ названіемъ „Крестъ славы“.

¹⁾ „Нов. Вр.“ 20 апр. с. г.

„Тяжелая бомба угодила какъ разъ въ блиндажъ, и отъ солиднаго сооруженія не осталось ничего. Сердце радуется, что люди успѣли перейти въ ровики. Опоздай на пару минутъ, и изъ восьми жителей блиндажа не осталось бы ни одного. Еще очередь: рвется почти на самой батарее, съ пѣніемъ на разные тоны, несутся осколки и, какъ бы сердясь, что жертвы скрылись отъ нихъ въ ровики, съ сердцемъ ударяются въ землю, въ насыпи. Слѣдующая очередь уже дальше. Очевидно, нѣмцы обстрѣливаютъ площади и батарею уже прошли. Слава Богу, потерь нѣтъ. Однако изъ ровиковъ выходить еще рано. Но людямъ сидѣть въ нихъ надоѣло. Молодчага съ Георгіемъ на груди, бомбардиръ Будьзоровенко выскакиваетъ изъ ровика, почти въ тотъ же моментъ раздается взрывъ, онъ не успѣваетъ запрягаться обратно и падаетъ, ухватившись руками за грудь. Порядочный осколокъ угодилъ ему въ самое сердце. Обстрѣлъ кончился или ушелъ куда-то далеко.

На груди у Будьзоровенка сломанный крестъ, рваная одежда, много крови. Но онъ, хотя и безъ сознанія, но еще живъ. Наскоро перевязали, уложили на носилки, унесли.

— Ишь, ты, въ самое сердце, конченъ онъ,—грустно говорили солдаты.

— И кусокъ креста, внутрь осколокъ ушелъ. И до лазарета не дотянуть, кончится по дорогѣ.

Но Будьзоровенко не кончился. Тотъ самый крестъ, который онъ получилъ за подвигъ, связанный съ сознательной жертвой жизнью, тотъ самый крестъ спасъ, отстоялъ ему жизнь.

Направленіе осколка прямо въ сердце,—говорилъ врачъ,—сила болѣе, чѣмъ достаточная, чтобы пробить сердце, и, если бы не крестъ, Будьзоровенко былъ бы уже трупомъ. Но осколокъ, сломавъ крестъ, измѣнилъ направленіе. Онъ пошелъ вдоль груди и вырвалъ только куски мяса. Никакихъ поврежденій нѣтъ, и несомнѣнно, онъ поправится.

Батарея ждетъ Будьзоровенка, и когда онъ вернется, мы будемъ гордиться его трехграннымъ крестомъ“.

Позорными дѣлами занимаются нѣкоторые россияне: въ такое тяжелое время, какъ настоящая страшная война, они поступаютъ на содержаніе нѣмцамъ и прикрываютъ своимъ русскимъ именемъ торгово-промышленное предпріятіе. Закона Бриана о преслѣдованіи тюрьмой лицъ, прикрывающихъ вражескія предпріятія, у насъ и въ поминѣ нѣтъ.

Корреспондентъ Daily Mail побывалъ недавно въ Константинополь и посѣтилъ Энверъ-пашу въ зданіи военнаго министерства, которое помѣщается на холмѣ въ самомъ центрѣ турецкаго квартала Стамбула и окружено рѣшеткою въ 2 саж. вышины. Оно совершенно обновлено и кишитъ нѣмцами.

Въ бесѣдѣ съ адъютантомъ-нѣмцемъ авторъ замѣтокъ обратилъ вниманіе на виднѣвшуюся изъ окна большую мачту искровой станціи Османли. „Мы по беспроволочному телеграфу переговариваемся съ Берлиномъ!“ заявилъ адъютантъ, „перевезли сюда искровую станцію черезъ Румынію подъ видомъ цирка“.

Энверъ-паша небольшого роста, лѣтъ тридцати пяти, а на видъ еще моложе, красивой наружности, съ черными глазами и усами, очевь тщательно одѣтый, самодовольный и самоувѣренный; хорошо говоритъ по-нѣмецки (онъ былъ военнымъ агентомъ въ Берлинѣ), носитъ орденъ желѣзнаго креста. Онъ предложилъ посѣтителю папироску и развалился въ креслахъ, ожидая вопросовъ. Тотъ въ видѣ вступленія спросилъ, правда ли, что Англія хочетъ заключить съ Турціею сепаратный миръ?

— „Слишкомъ поздно“, съ улыбкою отвѣчалъ Энверъ, „можетъ быть она этого желала и можетъ быть достигла бы, но мы слышали, что державы согласія (или, какъ онъ выразился, „mal Entente“), рѣшили отдать Константинополь Россіи, и это принуждаетъ насъ оставаться на сторонѣ центральныхъ державъ“. По поводу Галлиполи Энверъ-паша заявилъ: „Если бы англичане имѣли мужество бросить еще нѣсколько судовъ въ Дарданеллы, то они дошли бы до Константинополя, но ихъ заминка дала намъ возможность укрѣпить полуостровъ Галлиполи и въ 6 медѣль свезти туда свыше 200 орудій съ австрійскаго завода Шкода. Но если бы они даже заняли столицу, то этимъ дѣло не кончилось бы; мы рѣшили стоять на окружающихъ высотахъ и въ М. Азію, а городъ предоставить имъ; они его бы не разрушили и тамъ бы застряли. При помощи германцевъ мы можемъ нанести англичанамъ ударъ черезъ Суэцкій каналъ, нашъ девизъ—въ Египетъ!“.

21 апрѣля. Гибель „Португалія“ не нашла отклика въ финляндской печати. Помѣстивъ лишь официальные сообщенія о потопленіи госпитальнаго судна, ни одна

финляндская газета не сочла нужнымъ высказаться самостоятельно по поводу этого нѣмецкаго звѣрства.

Вообще въ Финляндіи замѣчается тенденція не замѣчать о безчисленныхъ звѣрскихъ дѣяніяхъ германцевъ. Очень мало шлютъ оттуда благотворительной помощи страдающей Россіи. Это не мѣшаетъ нашимъ думскимъ финнолюбамъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ съ думской кафедры дѣлать выпады за Финляндію.

Г. Мзуравъ „Вечернемъ Времени“¹⁾ приводитъ поучительныя разъясненія по поводу надзора надъ вражескими предпріятіями.

„Правительство опубликовало наконецъ наказъ правительственнымъ инспекторамъ по надзору за дѣятельностью торгово-промышленныхъ предпріятій, владельцами или участниками которыхъ являются непріятельскіе подданные. Можно, конечно, лишь удивляться, что только къ 15 апрѣля 1916 г. министерство торговли и промышленности придало силу закона правительственному надзору за враждебными и опасными для Россіи предпріятіями, связанными въ той или иной степени съ подданными воюющихъ съ нами странъ.“

Наказъ, однако, наводитъ на рядъ размышленій.

Задачи правительственныхъ инспекторовъ крайне сложны и, если требовать точнаго выполненія, крайне ответственны. Инспектору принадлежитъ не только надзоръ за движеніемъ суммъ предпріятія, но и общее наблюденіе за дѣятельностью торгово-промышленнаго предпріятія и забота о томъ, чтобы предпріятіе было использовано для нужды обороны; правительственному инспектору вмѣняется при этомъ въ обязанность принимать къ тому мѣры. Вся корреспонденція фирмы, всѣ кассовыя книги, списки акціонеровъ и пайщиковъ, кассы и безопасныя помѣщенія въ банкахъ, гдѣ хранятся документы и капиталы предпріятія, — все подлежитъ надзору инспектора.

Такимъ образомъ добросовѣстный инспекторъ долженъ отдать все свое служебное время на надзоръ за вражескимъ предпріятіемъ, чтобы не дать ему возможности обслуживать интересы нѣмцевъ и Германіи и чтобы оно послужило дѣлу обороны нашего отечества.

¹⁾ „Веч. Вр.“ 21 апр.

Такой чиновникъ фактически не существуетъ для работы по своему вѣдомству. Итакъ, или онъ останется на своемъ посту, и тогда не будетъ достаточно внимательно относиться къ надзору за вражескими предпріятіями, или же, слѣдя за своимъ поднадзорнымъ, будетъ манкировать служебными занятіями.

Выводъ одинъ. Чиновникъ долженъ быть перечисленъ на время войны въ распоряженіе особаго дѣлопроизводства по правительственному надзору и всецѣло отдаться изученію и наблюденію за порученнымъ ему предпріятіемъ. Это должно быть служебной командировкой, не связанной, однако, съ повышеніемъ получаемаго чиновникомъ по своей непосредственной должности оклада. Пусть за ревностное отношеніе къ дѣлу они получаютъ служебныя преимущества, но ставятъ правительственнаго инспектора, въ смыслѣ высокаго вознагражденія, въ полную зависимость отъ того же поднадзорнаго предпріятія—и соблазнительно, и нецѣлесообразно.

Едва-ли государство, при указываемомъ порядкѣ, потеряетъ на время войны много чиновниковъ, прикомандированныхъ къ особому дѣлопроизводству по надзору. Надо думать, что въ концѣ концовъ же у насъ совсѣмъ не останется нѣмецкихъ фирмъ, а число подозрительныхъ, при условіи удаленія подставныхъ русскихъ директоровъ, значительно сократится.

Я нѣсколько подробнѣе остановился на наказѣ потому, что никакъ не могу понять, какимъ образомъ три или десять инспекторовъ могутъ, служа въ своихъ канцеляріяхъ, въ то же время слѣдить за планомѣрною дѣятельностью поднадзорнаго вражескаго предпріятія и изучать его нѣмецкую структуру съ точки зрѣнія русскихъ интересовъ.

По этому поводу я получилъ много писемъ съ разныхъ мѣстъ, и, между прочимъ, мнѣ сообщаютъ о неосуществимости надзора за такой явно германской фирмой, какъ „Кунстъ и Альберсъ“ на Дальнемъ Востокѣ. Фирма раскинула цѣлую сеть отдѣленій, изъ которыхъ каждое можетъ продолжать вдали отъ надзора прежнюю торговую политику, преподавную, скажемъ, изъ Гамбурга, гдѣ находится главная контора этого торговаго дома, руководимаго бывшимъ германскимъ консуломъ.

У фирмы закупочныя конторы въ Москвѣ, Ригѣ и агентъ въ Петроградѣ. Кто слѣдить и какъ слѣдятъ за этими без-

численными отдѣленіями пресловутаго Кунста, разбросанными по городамъ и селамъ Приамурья и Уссурійскаго края, за этими агентами, шныряющими по Россіи? Эти агенты—Штенгель и Скрибановичъ—посѣщаютъ сосланнаго въ Нарымъ главу т. д. „Кунстъ и Альберсъ“, бывшаго германскаго консула Даттана.

При такихъ условіяхъ едва-ли возможно точное соблюденіе ст. 14 наказа не только по отношенію къ Даттану, но даже и къ его женѣ, германской подданной, проживающей въ Берлинѣ при сынѣ, сражающемся въ рядахъ германской арміи. Это можно предполагать хотя бы потому, что между сосланнымъ Даттаномъ и его женой въ Берлинѣ были контактъ, такъ какъ служащая Даттана г-жа Стефанова совершила въ разгаръ войны побѣдку изъ Берлина въ Нарымъ.

Что думаютъ правительственные инспектора о ликвидаціи принадлежавшей Даттану земли у Никольска-Уссурійскаго и о роли его довѣреннаго, швейцарскаго подданнаго Штауфахера, живущаго на Сахалинѣ и получающаго за это 10.000 руб., хотя всѣ каменноугольныя заявки Даттана реквизированы? Вникли ли инспектора во взаимоотношенія между Даттаномъ и владельцами каменноугольныхъ площадей на Сахалинѣ, гг. Хитрово и Ренкевичемъ, а если вникли, то сообщили ли они свои наблюденія горному департаменту? Я знаю, что при исполненіи ими своихъ служебныхъ обязанностей, они фактически лишены возможности точно выполнять наказъ министерства торговли и промышленности по надзору. А сколько такихъ же фирмъ и такихъ же ненормальныхъ положеній!

Интересно было бы звать, сколько протестовъ правительственныхъ инспекторовъ противъ дѣятельности поднадзорныхъ предпріятій поступило въ особое дѣлопроизводство по правительственному надзору за вражескими и подозрительными „по Германіи“ (какъ „по чумѣ“) торгово-промышленными предпріятіями?”

22 апрѣля. Предсѣдатель Совѣта министровъ, въ бытность въ Москвѣ, подвергалъ обсужденію вопросъ о ликвидаціи общества 1886 года, которое еще по сіе время, несмотря на всѣ усилія московскаго городского управленія, никакъ не могутъ вырвать изъ цѣпкихъ нѣмецкихъ рукъ.

Вотъ эта замѣчательная корреспонденція по словамъ „Русскаго Слова“ ¹⁾.

„Предсѣдатель совѣта министровъ Б. В. Штюрмеръ, прибывшій въ Москву, между прочимъ, пожелалъ на мѣстѣ подвергнуть обсужденію вопросъ о ликвидаціи общества 1886 г.

Вчера спеціально собранное для этого совѣщаніе состоялось, подъ предсѣдательствомъ Б. В. Штюрмера, въ квартирѣ градоначальника. Въ совѣщаніи приняли участіе: градоначальникъ В. Н. Шебеко, губернаторъ гр. Н. Л. Муравьевъ, завѣдующій технической частью московскаго градоначальства инженеръ Анохинъ, городской голова М. В. Челноковъ, товарищ городского головы В. Д. Брянскій и гласные: Л. Л. Катуаръ и Н. И. Гучковъ—отъ города, гг. Грузиновъ и Нарожницкій—отъ губернскаго земства, и друзья общества 1886 г., члены временнаго управленія гг. Свенторжецкій и Кюхельбекеръ, памятный московскому городскому управленію по настойчивой защитѣ интересовъ общества 1886 г. еще въ междувѣдомственной комиссіи Ильяшевко.

Открывая собраніе, Б. В. Штюрмеръ указалъ на то, что вопросъ о ликвидаціи общества 1886 года представляется ему слишкомъ всѣмъ извѣстнымъ для того, чтобы нужно было что-нибудь говорить о немъ.

Извѣстно,—сказалъ Б. В. Штюрмеръ,—*всѣмъ и представляется вполне определенно установленнымъ, что общество 1886 года является ядромъ нѣмецкихъ предпріятій въ Москвѣ. Мнѣ думается, что никто противъ этого и возражать не станетъ...*

Это основное положеніе, высказанное предсѣдателемъ совѣта министровъ, встрѣтило, конечно, единодушную поддержку всего собранія. Даже гг. Свенторжецкій и Кюхельбекеръ со своимъ помощникомъ Бетельказеромъ,—отъ того же министерства,—не обмолвились ни единымъ словомъ.

— Такимъ образомъ, мнѣ представляется,—продолжалъ Б. В. Штюрмеръ,—что намъ нечего касаться вопроса о состояніи общества, а необходимо намѣтить программу выясненія другихъ важныхъ въ этомъ дѣлѣ вопросовъ.

Б. В. Штюрмеръ объяснилъ совѣщанію, какіе вопросы въ этомъ сложномъ дѣлѣ представляются ему наиболее важными и интересными.

¹⁾ „Русск. Сл.“ 20 апр. 1916 г.

Необходимо выяснитъ, какъ поступитъ въ дальнѣйшемъ съ предпріятіемъ общества 1886 г., кому можетъ быть передано предпріятіе этого общества для эксплуатаціи и не представится ли какихъ-либо техническихъ и хозяйственныхъ препятствій, если бы предпріятіе оказалось переданнымъ московскому городскому управленію.

М. В. Челноковъ высказалъ пожеланія города. Онъ очель нужнымъ подчеркнуть, что эти пожеланія не идутъ дальше того, что было признано необходимымъ предпринять противъ общества 1886 года въ комиссіи сенатора Ильяшенко, т. е. дальше ликвидаціи общества черезъ особую ликвидационную комиссію и выкупа предпріятія городскимъ управленіемъ. Для опредѣленія стоимости предпріятія, — путемъ ли балансовыхъ расчетовъ, или производствомъ фактической оцѣнки, — понадобится незначительное время: все это можно будетъ выполнить въ мѣсячный срокъ.

По вопросу о томъ, кому должно быть передано для эксплуатаціи предпріятіе общества, представители города объяснили, что передача предпріятія общества Москвѣ никакихъ финансовыхъ затрудненій представить не можетъ: будетъ ли городъ вынужденъ уплатить обществу единовременно за выкупаемое имъ предпріятіе, или же допускается будетъ разсрочка, — московское городское управленіе одинаково просто съ этими расплатами справится.

Это мнѣніе было энергично высказано представителями финансовой комиссіи Л. Л. Катуаромъ и Н. И. Гучковымъ.

Далѣе представители города, ссылаясь на практику другихъ своихъ грандіозныхъ предпріятій, указывали, что техническихъ препятствій у города быть не можетъ. Городъ отлично справляется со своими предпріятіями. Другой вопросъ — препятствія хозяйственнаго характера.

Общество фабрикантовъ боялось повышенія цѣнъ на энергію, а особенно забастовокъ въ электрическомъ предпріятіи, особенно часто, будто бы, происходящихъ въ городскихъ предпріятіяхъ.

М. В. Челноковъ и другіе представители города указали, что препятствій этихъ городское управленіе не боится.

Въ подтвержденіе они ссылались на практику своего водопровода, канализаціи, наконецъ, собственной электрической станціи.

Представители временнаго управленія общества 1886 г., которымъ, конечно, передача общества городу не улыбается,

съ трудомъ нашли приличный поводъ для возраженій. Они говорили о томъ, что при огромномъ значеніи станціи, обслуживающей многія предпріятія, работающія на оборону, было бы неосторожно провозводить передачу предпріятія общества изъ однѣхъ рукъ въ другія. На это горожане твердо заявили, что „оборона“ страны будетъ болѣе обезпечена, когда предпріятіе будетъ находиться въ русскихъ рукахъ, а не въ нѣмецкихъ рукахъ.

Засѣданіе закончилось краткимъ резюме, которое было сдѣлано предсѣдателемъ совѣта министровъ Б. В. Штурмеромъ.

Въ концѣ-концовъ, Б. В. Штурмеръ заявилъ, что вопросъ о ликвидаціи общества 1886 года въ настоящее время выдвигается на очередь для обсужденія въ совѣтѣ министровъ. Совѣту министровъ придется рѣшить вопросъ о томъ, кому передать предпріятіе общества 1886 года, — одному ли городу, или городу совмѣстно съ правительствомъ, или же уступить его побѣдителю на спеціальныхъ торгахъ конкурентовъ.

На этомъ совѣщаніе и кончилось.

Отмѣтимъ лишь выступленіе представителей земства, которые заявили, что вопросъ о ликвидаціи общества „Электропередача“ не можетъ разсматриваться отдѣльно отъ ликвидаціи общества 1886 года, такъ какъ судьба этихъ обоихъ вопросовъ одинакова и одинаково же должно быть и разрѣшеніе ихъ“.

Несмотря на то, что по словамъ Б. В. Штурмера: общество 1886 года является ядромъ нѣмецкихъ предпріятій въ Москвѣ, представители временнаго управленія гг. Свенторжецкій, Кюхельбекеръ и Бетелькагеръ имѣли смѣлость доказывать неосторожность передачи общества 1886 г. въ другія руки. Пламенная рѣчи отцовъ города Москвы нисколько не убѣдили гг. Свенторжецкаго, Кюхельбекера и Бетелькагера.

Фамилии Кюхельбекеръ и Бетелькагера ясно показываютъ, почему они были противъ ликвидаціи. Является вопросомъ, какое общественное руссійское положеніе занимаетъ г. Свенторжецкій. Весь Петроградъ дастъ на это слѣдующій отвѣтъ: Людоміръ Вацлавовичъ, военный инженеръ, генераль-лейтенантъ.

Былъ у Пашича. Очаровался его высокими умомъ, образованіемъ, его необычайной энергіей, пламенной вѣрой

въ свѣтлое будущее. Мнѣ раньше передавали, что Пашичу слишкомъ за 60 лѣтъ, а мнѣ при встрѣчѣ показалось, что это бодрый человекъ въ половинѣ 50-хъ годовъ, но когда онъ начиналъ говорить про Сербію, про ихъ страданія, про сербскую армію, его глаза загорались, онъ воодушевлялся и становился молодымъ человекомъ. Превращеніе это было настолько поразительно, что невольно возникалъ вопросъ—его ли видѣлъ нѣсколькими минутами раньше. Разговоръ переходилъ на другую тему, взоръ потухалъ, и опять Пашичъ становился прежнимъ. Сербскій посланникъ Спалайковичъ увѣрялъ меня, что Пашичу въ исходѣ 60 лѣтъ, а въ дѣйствительности ему было подъ 80 лѣтъ.

Сегодня въ 4 часа дня, по распоряженію сенатора Кузьмина, арестованъ и заключенъ въ Петропавловскую крѣпость бывший военный министр, отставной генераль-етъ-кавалеріи В. А. Сухомлиновъ.

22 апрѣля. Въ Англіи произошло событіе великой государственной важности, имѣющее громадное значеніе для войны: англійскій парламентъ принялъ въ первомъ чтеніи билль о всеобщей военной службѣ. Такимъ образомъ великая война сдѣлала то, что казалось совершенно невозможнымъ для Англіи.

Петроградскому обывателю совершенно ясна одна изъ подпольныхъ причинъ, которая понижаетъ курсъ нашего рубля въ Финляндіи. Въ только-что опубликованномъ отчетѣ финляндскаго банка имѣются на 32½ милліоновъ марокъ корреспонденты въ Берлинѣ, Любекѣ, Франкфуртѣ на Майнѣ и въ Вѣнѣ. Г.г. финляндцы высасываютъ денежки съ Россіи всѣми приличными и неприличными способами, не неся надлежащихъ общеимперскихъ расходовъ.

Г. Сибирскій въ „Русскомъ Словѣ“ описываетъ такъ состояніе Трапезунда передъ сдачей ¹⁾:

„Нѣмцевъ въ Трапезундѣ было немного, но одинъ изъ нихъ, знаменитый полковникъ фонъ-Унгернъ, являясь

¹⁾ „Русск. Сл.“ 21 апр. с. г.

только командиромъ полка, въ то же время имѣлъ громад-
ное вліяніе на всѣ дѣла въ городѣ, какъ на военное, такъ
и на гражданское управленіе. Онъ былъ на позиціяхъ
вмѣстѣ съ недавно прибывшимъ въ Трапезундъ Вехтибъ-
пашой и Хаджи-Ханди-беомъ. Задолго до паденія Трапе-
зунда сюда временно пріѣхалъ наладить и устроить раз-
битый отрядъ человекъ высокой энергіи и организатор-
скаго таланта Халитъ-паша, командующій байбуртскимъ
отрядомъ. Командующіе отрядомъ употребляли все вліяніе,
чтобы заставить войска драться до послѣдней капли крови.
Войскамъ, занимавшимъ позиціи на Ахудагъ и Келимъ-Кая,
были отданы категорическіе приказы умереть, но не сда-
ваться, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, имъ заявили о томъ, что на-
дняхъ должна притти на помощь тринадцатая дивизія.
Когда же выяснилось, что никакіе приказы, никакія под-
крѣпленія не въ силахъ остановить движеніе побѣднос-
ныхъ русскихъ войскъ, то городъ рѣшено было бросить.
Былъ призванъ греческій митрополитъ, комендантъ на
словахъ передалъ ему власть надъ городомъ, и немедленно
послѣ лихорадочно-торопливой свалки въ море казеннаго
имущества войска двинулись на западъ⁴.

„Журналь де Балканъ“ сообщаетъ, что изъ погранич-
наго съ Австріей румынскаго округа Доробова вывезла въ
Австрію большая партія кошекъ и собакъ, мясо которыхъ
пойдетъ на изготовленіе колбасъ для арміи.

23 апрѣля. Въ Петроградъ пріѣхали французскіе ми-
нистры Бивіани и Тома. Тома министръ снабженій.

Тома и англійскій министръ Ллойдъ Джорджъ это чу-
дотворцы по снабженію армій Англии и Франціи вооруже-
ніемъ и боевыми припасами.

24 апрѣля. Для военнопленныхъ и нашихъ рабочихъ на дѣс-
ныхъ дачахъ отдѣлъ по заготовкѣ топлива поставилъ сапоги
въ количествѣ до 4.000 паръ, которые обошлись до 50.000 р.
Весь подрядъ этотъ былъ исполненъ въ разныхъ мѣстахъ
незначительными партіями и по разнымъ цѣнамъ. Изъ ре-
зультатъ сапоги оказались съ бумажными подметками, обш-
тыми кожей. Гласный Елизаровъ, обращая на этотъ заказъ
вниманіе, проситъ разслѣдованія ревизионой комиссіи, при

чемъ указываетъ, что заказъ не прошелъ ни черезъ думу, ни черезъ управу ¹⁾.

24 апрѣля. „Сдача оружія мятежниками въ Ирландіи протекаетъ вполне успешно. Вчера 39 мятежникамъ вынесены приговоры военнымъ судомъ. До настоящаго времени утверждены три приговора, притомъ всѣ къ смертной казни. Однако приговоръ приведенъ въ исполненіе только въ отношеніи одного осужденнаго, двумъ же другимъ смертная казнь замѣнена безсрочными каторжными работами. 19-го апрѣля военный судъ приговорилъ трехъ мятежниковъ къ 3 годамъ каторжныхъ работъ“.

Новая германская нота Америкѣ представляетъ обычную двуличность и наглость Германіи: она указываетъ, что германскимъ правительствомъ предписано командующимъ морскими силами соблюдать общепризнанныя нормы международнаго права, о задержаніи, обыскѣ и уничтоженіи коммерческихъ судовъ и не топить ихъ безъ предварительнаго предупрежденія и принятія мѣръ къ спасенію находящихся на нихъ людей, поскольку суда эти не будутъ пытаться спастись бѣгствомъ или оказывать сопротивленіе.

Далѣе выясняется желательная цѣль Германіи, что Соединенные Штаты добьются отъ Англіи уничтоженія всѣхъ преградъ къ воцаренію безпрепятственнаго морского судоходства.

„Если правительство Соединенныхъ Штатовъ не добьется желаемаго результата, то Германія будетъ поставлена лицомъ къ лицу передъ новымъ положеніемъ вещей, относительно котораго она сохраняетъ за собой полную свободу рѣшеній“.

Ну, можетъ ли быть что-либо нахальнѣе: мы, нѣмцы, можемъ дѣлать то, что хотимъ мы, и противники наши должны дѣлать то же, а если не будутъ дѣлать, то для насъ нѣтъ никакихъ обязательствъ.

25 апрѣля. Съ плѣнными у насъ обращаются сверхчуждманно: одинъ нашъ унтеръ-офицеръ рассказывалъ, что не

¹⁾ „Нов. Вр.“ 24 апрѣля.

только толкнуть плѣннаго не позволяютъ, но даже воспрещаютъ ему сказать какую бы то ни было угрозу.

Наказаніе ему одинъ только слабый арестъ. Свобода для плѣнныхъ большая.

По другимъ даннымъ плѣнные плохо работаютъ у сельскихъ хозяевъ, портятъ имъ скотъ и убѣгаютъ съ работы, а иногда забастовываютъ, когда считаютъ, что имъ недостаточно даютъ мяса.

26 апрѣля. „Омскій Вѣстникъ“ передаетъ: по возбужденному омскимъ епархіальнымъ братствомъ вопросу о возможности разрѣшенія военноплѣннымъ вступать въ бракъ, главное управленіе генеральнаго штаба разъяснило, что разрѣшеніе вопроса о вступленіи въ бракъ военноплѣнныхъ признано соответственнымъ отложить до окончанія войны').

Ну можно ли представить себѣ болѣе дикую фантазію, какъ ходатайство омскаго епархіальнаго братства о бракахъ военноплѣнныхъ.

27 апрѣля. „Новое Время“ ²⁾ сообщаетъ о саратовскомъ королѣ мукомоловъ Фридрихъ Шмидтъ:

Мукомоль Фридрихъ Шмидтъ увѣдомилъ городской продовольственный отдѣлъ, что перемалывать городское зерно онъ болѣе не будетъ.

Свой отказъ Фридрихъ Шмидтъ мотивируетъ тѣмъ, что опредѣленное количество помола, причитающагося на его долю, закончено.

Странно: вѣдь недавно герръ Шмидтъ вмѣстѣ съ „Саратовскимъ Вѣстникомъ“ заявилъ, что у него зерна нѣтъ. Герръ Шмидту, стало быть, выгоднѣе перемалывать чужое зерно по 18 коп. съ пуда, чѣмъ оставить мельницы въ бездѣйствіи.

Всѣмъ ясно, къ чему стремится Фридрихъ Шмидтъ. Когда же, однако, это станетъ ясно и „саратовской“ администраціи?

Сегодня миновало 10 лѣтъ со дня установленія у насъ народнаго представительства.

1) „Нов. Вр.“ 26 апрѣля.

2) „Нов. Вр.“ 27 апрѣля.

28 апрѣля. Интересное показаніе плѣннаго приводитъ корреспондентъ „Новаго Времени“¹⁾.

— Мы вашихъ пушекъ не боимся,—говорилъ недавно одинъ плѣнный турецкій офицеръ,—на Галлиполи мы видали и не такія, какъ ваши, а вотъ аскеръ вашъ очень страшенъ для насъ. Они идутъ въ атаку и ихъ ничѣмъ не остано-вишь. Сколько мы стрѣляемъ въ нихъ, а они все идутъ... И не падаютъ! И при этомъ непремѣнно норовятъ добить, чтобы штыкомъ проткнуть.... Вотъ это для насъ самое страшное...

В. М. Дорошевичъ рассказываетъ о томъ, какъ нынѣ такъ много намъ противодѣйствующіе, курдскіе беки вѣхали въ Константинополь на поклонъ къ Абдуль-Гамиду.

„Курдскіе беки, вожди были приглашены въ Констан-тинополь.

Здѣсь они должны были увидѣть:

— Своего падишаха во всемъ его блескѣ и великолѣпіи.

Здѣсь ихъ осыпали подарками.

Здѣсь самъ халифъ долженъ былъ:

— Зажечь ихъ святымъ огнемъ.

Чтобъ они горѣли, какъ костры на границѣ.

Подъ нихъ былъ зафрахтованъ тотъ самый пароходъ Австрійскаго Ллойда „Далмація“, на которомъ шель теперь я.

„Курдскіе беки явились во всемъ великолѣпіи, съ безчи-сленной прислугой.

Съ запасомъ провизіи.

Со своими поварами.

— Чтобъ не кормили чѣмъ нечистымъ.

И въ тотъ же день помощникъ прибѣжалъ къ капитану въ ужасѣ.

— Капитанъ! Они вѣдятъ... вельзя сказать, изъ чего они вѣдятъ!

Усѣвшись на далаубѣ, курдскіе беки важно и величе-ственно вѣли изъ посуды, предназначенной... предназ-наченной вовсе не для вѣды.

Они были очень довольны, найдя посуду въ ночныхъ столикахъ.

— „Франки“ молодцы! Каждому поставлена своя миска, чтобъ вѣсть!

1) „Нов. Вр.“ 28 апрѣля г. г.

Капитанъ, —разсказывалъ онъ мнѣ, —сватился за голову.
Что дѣлать?

Сказать?

Курды сочтутъ за насмѣшку.

И всѣхъ перерѣжутъ:

— За такое оскверненіе.

Онъ созвалъ помощниковъ и команду и строго-настрого приказалъ:

— Не обращать вниманія.

Избави Боже, не смѣяться и какъ-нибудь не дать повать ошибку.

Курдскіе беки такъ до самаго Конставтинополя пытались изъ вазъ, не созданныхъ для такой чести“.

29—30 апрѣля. 28 апрѣля въ особомъ присутствіи Петроградской судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей слушалось дѣло пастора Глезера, который обвинялся въ томъ, что призывалъ нижнихъ чиновъ, призванныхъ на дѣйствительную службу, сдаваться въ плѣнъ германцамъ. Дѣло слушалось при закрытыхъ дверяхъ, приговоръ же объявленъ публично. Обвиненіе къ Глезеру было предъявлено по 1 п. 1 ч. 129 ст. уг. ул. Палата приговорила подсудимаго къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ на поселеніе.

Г. Курмояровъ сообщаетъ о новыхъ подлостяхъ германцевъ ¹⁾:

Нѣмецкіе аэропланы бросаютъ не только бомбы. Звѣрская „подлость“ Германіи изощряется на такія выдумки, которыя не могутъ придти въ голову честному человѣку даже по отношенію врага. Летчики кидаютъ сверху... коробки съ конфетами. Можно подумать, какая любезность, какіе милые подарки войскамъ и населенію! Но конфеты эти отравлены и не просто какимъ-нибудь ядомъ, а бактеріями самыхъ тяжелыхъ заразныхъ болѣзней. Наслѣдованіе одной изъ такихъ „бомбопьерокъ“ показало, что въ ней заключены холерныя, тифозныя и другія болѣзни. Бросаютъ коньякъ, спиртъ, съ гнуснымъ расчетомъ на то, что трезвый солдатикъ или мужикъ обрадуется счастливой на-

¹⁾ „Нов. Вр.“ 29 апрѣля с. г.

ходкѣ и не преминетъ ею воспользоваться. Но, слава Богу, мнѣ не пришлось слышать, чтобы солдаты поддались обману: подозрительныя бутылки сдавали по начальству, и онѣ тутъ же уничтожались.

Знаменитаго творца германскаго закона о двуподданствѣ Дельбрюка заставили выйти въ отставку.

Въ послѣднее время у насъ въ образованномъ обществѣ нѣкоторыя лица стали носить лапти.

Съ 16-го по конецъ апрѣля военныя дѣйствія протекали слѣдующимъ образомъ: на западномъ нашемъ фронтѣ обычная ружейная и артиллерійская перестрѣлка, нападенія аэроплановъ, столкновенія развѣдывательныхъ партій.

За это время непріятель практиковалъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отбитыя нами контръ-атаки; такъ было на Рижскомъ фронтѣ у Рогачева, на Двинскомъ у Елукны, у о. Медмузскаго, къ югу отъ Двинска до Нароча, у Видзѣ у Поставъ, на Волыни у Олыка и Колки и въ Галиціи у Яловиць.

25 апрѣля „Бреслау“ бомбардировалъ Евпаторію.

На Кавказскомъ фронтѣ мы сначала продвигались впередъ на Эраерумскомъ, Эраинджанскомъ и Діарбекирскомъ направленіяхъ, а затѣмъ турки, получивъ подкрѣпленія, стали переходить въ наступленіе въ Байбуртскомъ, Битлиссскомъ, Эраинджанскомъ и Мамахатунскомъ направленіяхъ, но всѣ атаки были отражены.

На Багдадскомъ направленіи сначала мы потѣснили турокъ, а затѣмъ турки перешли въ наступленіе.

Въ № 104 „Рус. Инв.“ помѣщено слѣдующее оповѣщеніе Морского Генеральнаго Штаба:

На дняхъ въ Черномъ морѣ нашимъ флотомъ были затрелены и подняты германскія мины загражденія. Морской Генеральный Штабъ съ чувствомъ глубокаго негодованія сообщаетъ, что, ставя эти мины на Святой недѣлѣ, непріятель счелъ для себя позволительнымъ совершить дерзкую богохульственную насмѣшку надъ православнымъ обычаемъ поздравленія со Свѣтлымъ Праздникомъ и помѣстилъ на

всѣхъ минахъ сверху бѣлой краской слѣдующую надпись въ болгарской орѳографіи: „Христово Воскресеніе!“.

Какъ сообщаютъ новѣйшія телеграммы изъ Стокгольма, въ серединѣ апрѣля въ Берлинѣ состоялся большой военный совѣтъ подъ предсѣдательствомъ кайзера. На совѣтѣ присутствовали, кромѣ кронпринца и баварскаго престолонаслѣдника, наслѣдникъ австрійскій эрцгерцогъ, баварскій принцъ Рудольфъ, маршалъ Гинденбургъ, фельд-маршалъ Макензенъ, генералы фонъ-Эмерихъ и фонъ-Беловъ и Сандерсъ и даже адмиралъ султана Сушонъ. Кромѣ того, сюда же съѣхались начальники штабовъ германскаго, австрійскаго, болгарскаго и турецкаго.

Одинъ англійскій корреспондентъ ¹⁾, побывавшій въ Константинополѣ, такъ рассказываетъ о своемъ пребываніи въ этомъ городѣ:

Константинополь наполненъ ранеными и больными солдатами; всѣ большія зданія обращены въ лазареты, изъ коихъ наибольшій въ Лицеѣ; на всѣхъ домахъ богатыхъ французскихъ и англійскихъ коммерсантовъ развѣвается флагъ „Краснаго Полумѣсяца“; раненые перевозятся городскими павощиками, экипажи которыхъ послѣ того по распоряженію нѣмцевъ тщательно дезинфецируются.

Султанъ является только безвластною фигурою; онъ по пятницамъ ходитъ въ ближайшую мечеть, боясь посѣщать Аю-Софію изъ опасенія покушенія; на улицѣ толпа его привѣтствуетъ только, когда съ нимъ Эверъ-паша. Его полная, тяжелая фигура имѣетъ жалкій видъ, и нельзя удивляться, что турки отняли у него власть. Султанъ предоставляетъ свободу распоряжаться Талаатъ-бею и Эверъ-пашѣ. Послѣдній считаетъ себя главною силою въ имперіи, но на дѣлѣ Турціею управляетъ ловкій государственнй человѣкъ Талаатъ. Хотя онъ и германофилъ, но, по слухамъ, онъ вѣритъ въ козвечную побѣду державъ Согласія, и возможно, что онъ не противникъ заключенія съ ними сепаратнаго мира.

Когда было объявлено въ Турціи объ эвакуаціи союзниками полуострова Галлиполи, въ столицѣ было ликовавіе; на всѣхъ углахъ прибиты были афиши съ возвѣще-

¹⁾ „Рус. Инв.“ № 106.

ніемъ побѣды на турецкомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Турки рассказывали, что союзникамъ было нанесено рѣшительное пораженіе и они были сброшены въ море.

Авторъ замѣтокъ, однако, не особенно смущался этими рассказами, плохо довѣряя турецкимъ сообщеніямъ и тѣмъ болѣе, что не видать было плѣнныхъ, которыхъ нѣмцы и турки не замедлили бы показывать въ столицѣ.

Зато три дня спустя онъ видѣлъ прохожденіе по улицамъ около 10.000 турецкихъ войскъ съ Галлиполи; никогда не случалось ему видѣть такого жалкаго войска—исхудалые, тощіе солдаты еле плелись, многихъ ташили товарищи; ни ружей, ни снаряженія они не несли—все возилось за ними на повозкахъ, но на cadaго турецкаго офицера приходилось 2 германскихъ; эти войска вуждались несомнѣнно въ нѣсколькихъ недѣляхъ полного отдыха (они, повидимому, въ началѣ февраля были отправлены въ Малую Азію). Если принять во вниманіе выносливость турецкаго солдата, то можно представить себѣ, какое напряженіе и какія лишения испытывали турецкія войска на Галлиполи.

Проходя по мосту черезъ Золотой Рогъ, нашъ авторъ обратилъ вниманіе на ту особенность, что съ нѣмцевъ не берутъ установленную плату въ одинъ пенни. Объясняется это тѣмъ, что когда британская подводная лодка миною повредила мостъ, турецкіе инженеры не могли его исправить и обратились по обыкновенію за помощью нѣмцевъ, которые быстро выполнили работу; но когда изъ Берлина прислали счетъ за нее, турки развели руками и въ отчаяніи заявили, что они не въ состояніи заплатить. Счетъ остался неуплаченнымъ, но зато всѣмъ германскимъ подданнымъ разрѣшено было бесплатно проходить по мосту: корреспондентъ убѣдился въ этомъ простѣйшимъ способомъ—онъ съ контролеромъ заговорилъ по-нѣмецки и тотчасъ былъ пропущенъ даромъ.

Всѣмъ извѣстна малая достовѣрность турецкихъ сообщеній, и нужно быть очень наивнымъ, чтобы вѣрить тому, что читаешь въ турецкой газетѣ. Въ Хасъ Кейулѣ на Золотомъ Рогѣ произошелъ страшный взрывъ на пороховомъ заводѣ; газеты объявили, что убито 8 человекъ и ранено 6; а зданій, кромѣ самого завода, разрушено 2. Корреспондентъ пожелалъ проверить это извѣстіе и отправился на мѣсто взрыва въ еврейскій кварталъ—вся окрестность оказалась въ развалинахъ, погибло не менѣе 2.000 человекъ

и еще 2 недѣли послѣ взрыва рабочія партіи отрывали трупы изъ подъ развалинъ.

Въ Стеніи на Босфорѣ авторъ видѣлъ оба знаменитыхъ судна „Гебенъ“ и „Бреслау“. „Гебенъ“ въ очень дурномъ состояніи и поддерживается на водѣ только при помощи искусственныхъ приспособленій (это было въ январѣ 1916 г.); пробойны отъ снарядовъ въ немъ задрѣваны цементомъ; его, видимо, не считаютъ болѣе годнымъ къ дѣйствіямъ, ибо нѣсколько изъ его крупныхъ орудій были свезены на берегъ. Зато „Бреслау“ былъ въ полномъ порядкѣ и, заново выкрашенный въ сѣрый цвѣтъ, казался готовымъ къ выходу въ море. Въ городѣ слышно много различныхъ версій о томъ, какъ этимъ двумъ судамъ удалось спастись въ Дарданеллы въ началѣ войны; одинъ изъ турецкихъ депутатовъ рассказывалъ, что оба судна нашли себѣ убѣжище въ Мессинѣ и въ разстояніи 3-хъ-мильной нейтральной зоны ихъ поджидали 24 союзныхъ судна. Уйти казалось немислимымъ, и командиръ „Бреслау“ предлагалъ интернироваться въ нейтральномъ порту, но командиръ „Гебена“ стоялъ за прорывъ, и его мнѣніе, какъ старшаго, восторжествовало. Оба судна ночью вышли изъ порта и, держась возможно ближе къ берегу, благополучно ушли и достигли Дарданеллъ. Прибытіе ихъ, по мнѣнію депутата, повліяло на рѣшеніе Турціи участвовать въ войнѣ; турки полагали, что съ придачею этихъ двухъ крейсеровъ ихъ флотъ въ состояніи будетъ справиться съ русскимъ флотомъ въ Черномъ морѣ.

Со дня отъѣзда корреспондента изъ Константинополя стали приходить первые слухи о русскомъ наступленіи на Кавказской границѣ. Онъ еще успѣлъ увидѣть, какъ были отпращены въ Арменію 5 отлично снаряженныхъ турецкихъ баталіоновъ съ новыми ружьями. Авторъ настаиваетъ на серьезномъ намѣреніи турокъ и германцевъ организовать походъ въ Египетъ.

Нѣмцы обучили 4.000 солдатъ ѣздѣ на верблюдахъ (обучались они въ Гамбургѣ въ циркѣ Гагенбека), а такой отрядъ можетъ имѣть большое значеніе въ пустынѣ. Экспедиція должна была выступить изъ Алеппо. Съ турками еще приходится серьезно считаться; хотя они и понесли большія потери, но людей у нихъ еще много и нѣмцы хорошо ихъ натаскиваютъ.

Сводя знакомство съ германскими офицерами, скучавшими за отсутствіемъ развлеченій, ибо всѣ увеселитель-

ныя мѣста въ Константинополь были закрыты, а также съ другими нѣмцами, корреспондентъ узнавалъ много интереснаго. Типичный нѣмецъ, старшій конструкторъ подводныхъ лодокъ съ завода „Германія“ въ Килѣ, за угощеніе пивомъ и лестные отзывы о нѣмцахъ, посвятилъ его въ тайны проникновенія германскихъ подводныхъ лодокъ въ Турцію; изъ малаго типа ихъ въ то время было не болѣе четырехъ (№ 4, 18 и 25 и еще одна); на всѣхъ на боевой рубкѣ былъ намалеванъ большой „желѣзный крестъ“.

База ихъ 2 (15) января находилась въ Золотомъ Рогѣ, между двумя большими германскими коммерческими судами. Позднѣе прибыли еще 2 лодки. Онѣ въ разобранномъ видѣ были перевезены по желѣзной дорогѣ въ Триестъ, тамъ собраны и отпавились въ море. На лодкахъ нѣмцы одѣты въ свою форму, тогда какъ на крейсерахъ носятъ фески. Турецкихъ подводныхъ лодокъ не существуетъ, также какъ и аэроплановъ у турокъ только нѣсколько штукъ. Большая германская подводная лодка U 51, пришла моремъ изъ Килия въ 1915 г. черезъ Гибралтаръ; она имѣла очень значительные размѣры и крупное орудіе въ носовой части. Ея были потоплены британскіе броненосцы „Триумфъ“ и „Маджестикъ“. Командиръ ея, капитанъ ф. Херсиангъ, рассказывалъ автору о своемъ путешествіи изъ Килия; какъ онъ въ надводномъ плаваніи прошелъ черезъ Гибралтаръ, какъ у о-ва Лемноса попалъ въ британскую заградительную сѣтку и съ трудомъ высвободился съ поврежденнымъ винтомъ и какъ онъ въ началѣ мая 1915 года прибылъ въ Константинополь. Этотъ офицеръ производитъ впечатлѣніе скромнаго и порядочнаго человѣка; онъ категорически отрицалъ, что „Лузитанія“ была потоплена его лодкою. Вообще, по мнѣнію корреспондента, хотя среди германскихъ морскихъ офицеровъ, вѣроятно, имѣются тоже варвары, но тѣ, съ которыми онъ встрѣчался въ Паласѣ Отелѣ въ Перѣ, очень отличаются отъ офицеровъ сухопутныхъ войскъ—надменныхъ и грубыхъ. Большинство морскихъ офицеровъ, которые не питаютъ симпатій къ своимъ сухопутнымъ товарищамъ, сильно огорчены службою, которую имъ приходится вести по приказанію свыше. Потопленіе „Лузитанія“ сильно критикуется въ германскомъ флотѣ.

Подводныя лодки въ Константинополь, помимо своего прямого назначенія, служатъ нѣмцамъ для держанія въ повиновеніи турокъ, такъ какъ даже малыя лодки имѣютъ въ носовой части орудіе, хотя и небольшого калибра, но

достаточное для внушенія страха. Иногда происходят инциденты между нѣмцами и турками. Такъ, однажды корреспондентъ „Берлинеръ Тагеблатъ“, докторъ Ледера, сообщалъ своей газетѣ, что въ виду недостатка въ артиллеріи у турокъ, пришлось съ „Гебена“ снять 2 крупныхъ орудія и установить ихъ на Галлиполи. Турки обидѣлись на такое разоблаченіе тайны, арестовали Ледера и послали его въ концентраціонный лагерь. Барону Вангенгейму съ трудомъ удалось освободить Ледера послѣ 6 недѣльнаго ареста; корреспондентъ былъ высланъ изъ Турціи.

Авторъ замѣтокъ упоминаетъ о своемъ знакомствѣ въ пути съ австрійскимъ шпиономъ, побывавшимъ 2 раза въ Англію и открывшимъ ему уловки нѣмецкихъ шпионовъ. Чтобы попасть въ Англію, шпионъ долженъ заручиться паспортомъ въ нейтральной державѣ и рекомендаціей какой-либо торговой фирмы, въ качествѣ агента которой онъ предполагаетъ путешествовать. Для полученія паспорта нужно фальшивое метрическое свидѣтельство; такіе документы въ началѣ войны въ нейтральныхъ странахъ можно было купить за 100—120 рублей. По полученіи паспорта, нужно визировать его у британскаго консула: многіе изъ консуловъ—мѣстные жители, другіе хотя и англичане, но не могутъ провѣрить подлинности метрики—при нихъ надлежало бы для этой цѣли имѣть спеціальныхъ сыщиковъ-англичанъ. Заручившись „визой“, шпионъ свободно проникаетъ въ Англію и осторожно входитъ въ сношенія съ живущими тамъ нѣмецкими шпионами.

Далѣе этотъ же корреспондентъ „Daily Mail“ въ №№ 108 и 111 „Русскаго Инвалида“ описываетъ о своемъ пребываніи въ Болгаріи.

Въ путевыхъ замѣткахъ корреспондента далѣе описывается, какъ онъ попалъ на историческій обѣдъ съ кайзеромъ въ Нишѣ 5-го (18-го) января 1916 г. Съ нѣкотораго времени онъ сталъ замѣчать, что кто-то въ его отсутствіи въ отелѣ интересуется его бумагами и, опасаясь наблюденія со стороны полиціи, рѣшилъ уѣхать изъ Константинополя. вмѣстѣ съ тѣмъ въ турецкихъ газетахъ появилось извѣстіе, что императоръ Вильгельмъ ѣдетъ въ Бѣлградъ. Это всѣхъ очень удивило, такъ какъ и здѣсь много говорили о болѣзни кайзера. Нашъ журналистъ воспылалъ непреодолимымъ желаніемъ видѣть Вильгельма и въ то же время по-

смотръть Бѣлградъ. Онъ отправился вновь къ Халиль-бею. Халиль-бей принялъ его любезно и, выслушавъ цѣлый рядъ комплиментовъ и страстное желаніе просителя видѣть „Бога Войны“, далъ ему свою карточку и письмо къ начальнику полиціи въ Стамбулъ. Съ нѣкоторой опаской корреспондентъ отправился на другой день въ полицейское управленіе, гдѣ ему объявили, что балканскій экспрессъ пойдетъ только черезъ нѣсколько дней, а пока можно ѣхать только на германскомъ воинскомъ поѣздѣ. Авторъ замѣтокъ упомянулъ о своей аудіенціи у Эивера-пашы и просилъ выхлопотать у военнаго министра разрѣшеніе ѣхать на воинскомъ поѣздѣ. Обѣщали похлопотать и оставили у себя его паспортъ. На другой день паспортъ былъ ему возвращенъ съ турецкимъ клеймомъ и надписью о разрѣшеніи ѣхать въ Бѣлградъ, и, такимъ образомъ, онъ очутился на воинскомъ поѣздѣ среди чиновъ германскаго „Краснаго Креста“ и германскихъ офицеровъ и солдатъ.

По пути въ Сербію онъ могъ убѣдиться, съ какою быстротою нѣмцы возстановили разрушенныя сербами при отступленіи путь, мосты и тоннели; по сторонамъ всюду лежали слѣды недавней борьбы—поломанныя повозки, трупы лошадей, съ которыхъ нѣмцы предусмотрительно содрали кожу, и предметы снаряженія всякаго рода. Ему рассказали, что нѣмцы на греческой границѣ переодѣли болгарскія войска въ прусскіе мундиры въ виду того, что греки ненавидятъ болгаръ и въ случаѣ похода на Салоники были бы очень озлоблены появленіемъ на ихъ территоріи болгарскихъ войскъ. Дѣйствительно, корреспондентъ въ Нишѣ видѣлъ большіе запасы прусскаго обмундирования, а потомъ въ печати сообщалось, что болгарскія дивизія у Дойрана были одѣты въ прусскіе мундиры. Впрочемъ, онъ плохо вѣрилъ въ осуществленіе экспедиціи противъ Салоникъ, такъ какъ нѣмцамъ внушаетъ сильное опасеніе генераль Сарайль, съ которымъ имъ пришлось познакомиться подъ Верденомъ (въ періодъ большого сраженія на Марнѣ въ 1914 г.). Турки также съ опаской поглядываютъ на Салоники, боясь, какъ бы союзники не атаковали Константинополь съ сѣверо-запада.

Когда поѣздъ подходилъ къ Нишу, германскій унтеръ-офицеръ, выглянувъ въ окно, вскричалъ: „Нашъ кайзеръ здѣсь!“. Всѣ бросились къ окнамъ и увидали станцію, расцвѣченную германскими и болгарскими флагами. Корреспондентъ почувалъ близость исполненія своихъ желаній,

Съ трудомъ скрывая свое внутреннее волненіе, журналистъ радостно изъявилъ свое согласіе.

Затѣмъ авторъ провелъ время до обѣда въ прогулкѣ по городу съ двумя болгарскими журналистами, съ которыми его познакомилъ Ромаковъ. Нишъ находился подъ свѣжымъ покровомъ, погода была ясная, солнечная. Въ городѣ квартировалъ штабъ германской балканской арміи. Нишъ представлялъ собою настоящій арсеналъ, заваленный орудіями и боевыми припасами и особенно складами снарядовъ для тяжелой артиллеріи. Въ немъ было множество плѣнныхъ сербовъ, которые свободно бродили по улицамъ и, повидимому, сравнительно были довольны своею судьбою. Городъ очень мало пострадалъ отъ обстрѣливанія; дѣловая жизнь была очень оживленною; германскіе солдаты свободно расходовали деньги; всѣ большія зданія были превращены въ лазареты, которые получали предметы снабженія изъ окрестностей.

Когда на вокзалѣ съ главнаго пути убрали императорскія поѣзды, къ платформѣ съ сѣвера подошелъ другой—съ боевыми припасами и монопланами Фокера; послѣдніе, отличавшіеся большими размѣрами, занимали по длинѣ каждый двѣ платформы; крылья были сложены назадъ и моторы тщательно прикрыты.

Банкетъ въ честь императора состоялся въ городской ратушѣ, столовая была обильно разукрашена флагами, въ томъ числѣ германскими и австрійскими, хотя австрійцы имѣютъ мало представителей въ Нишѣ и ихъ штабъ-квартира, повидимому, находилась въ Бѣлградѣ. Приглашенныхъ было немного; столъ, установленный покоемъ, имѣлъ только 50 приборовъ и нѣсколько мѣстъ оставались пустыми, а фактически на обѣдѣ присутствовало не болѣе 40 лицъ. Столъ былъ украшенъ розами и ряниными полевыми цвѣтами, среди которыхъ преобладалъ желтый цвѣтъ. Скрытый за пальмами гвардейскій оркестръ исполнялъ музыкальную программу, въ которую входили пьесы Мендельсона, Вагнера, Шопена, Атанасова („Волшебный источникъ“) и др. и „Балканскій маршъ“ Скордева. Простота была главною отличительною чертою этой трапезы; прислуживали болгарскіе солдаты—вѣстовые. Меню, отпечатанное на нѣмецкомъ языкѣ и украшенное сверху королевскимъ гербомъ Фердинанда, заключало въ себѣ семь блюдъ: куринный супъ, форели изъ озера Охриды, пилавъ, шеврель по-кумберландски, страссбургскій пирогъ, салатъ цикорій съ укропомъ изъ

Варны и болгарское мороженое; затѣмъ слѣдовали батонны съ сыромъ и десертъ.

Для представителей печати были отведены удобныя мѣста, съ которыхъ можно было хорошо слышать рѣчи. Обѣдъ носилъ отпечатокъ обычной официальной натянутости. Императоръ сидѣлъ по правую руку Фердинанда, а по лѣвую сторону послѣдняго—генераль ф.-Фалькенхайнъ; правымъ сосѣдомъ Вильгельма былъ, повидимому, Радославовъ.

Авторъ замѣтокъ, сосредоточивъ свое вниманіе на кайзерѣ, не меньше былъ заинтересованъ генераломъ Фалькенхайномъ, начальникомъ германскаго генеральнаго штаба, руководителемъ гигантской германской военной машины. Трудно встрѣтить человѣка съ болѣе тонкими и красивыми чертами лица; хотя ему далеко за 60 лѣтъ, но выглядить онъ моложе. Въ немъ мало нѣмецкаго, если не считать его аккуратности. Онъ носитъ коротко остриженные сѣрые волосы, движенія его быстрыя, и онъ является олицетвореніемъ силы, мужества и живости и, повидимому, выносить тягости войны и громадную отвѣтственность ея замѣчательно легко. При видѣ его, корреспондентъ получалъ отчетливое впечатлѣніе, что этотъ человѣкъ вполне подходящий для возложенной на него задачи. Онъ свободно бесѣдовалъ съ кайзеромъ и Фердинандомъ съ видомъ непринужденности и увѣренности.

Наблюдая за Вильгельмомъ, который безпреставно кашлялъ и имѣлъ страшно утомленный видъ, корреспондентъ удивлялся, что могло побудить этого, очевидно больного человѣка, покинуть свой дворецъ въ Берлинѣ и ѣхать двое сутокъ въ маленькій сербскій городокъ, чтобы присутствовать на обѣдѣ въ 40 кувертовъ, при свѣтѣ керосиновыхъ лампъ? Несмотря на состояніе своего здоровья, Вильгельмъ старался быть любезнымъ насколько возможно. Получалось впечатлѣніе, что онъ желаетъ чего-нибудь добиться отъ Фердинанда и отъ болгаръ вообще, иначе онъ едва-ли сталъ выносить фамилярную манеру, съ которою къ нему обращался Кобургскій Императоръ Вильгельмъ вообще не терпитъ такого обращенія съ собою даже со стороны равныхъ съ нимъ по положенію лицъ, если онъ не преслѣдуетъ особой цѣли. Онъ, видимо, долженъ былъ дѣлать надъ собою большія усилія, когда, временами задыхаясь отъ кашля, съ улыбкою выслушивалъ Фердинанда, наклонявшагося къ нему и что-то нашептывающаго ему въ ухо.

Авторъ замѣтокъ дивился, какія мысли рождаются въ головѣ Вильгельма при видѣ этого желтаго лица съ узкими въ шелку глазами—типичными глазами ростовщика—своего зазнавашагося сосѣда. Какъ бы ни старался Фердинандъ, онъ не въ состояніи сгладить выраженія скрытаго лукавства, составляющаго отличительную черту его физиономіи. Эти крошечные глаза являются зеркаломъ очень темной души и на этой желтой маскѣ, съ крючковатымъ носомъ, обрамленной бородкой съ просѣдью, скрывается очень лукавый мозгъ. Кайзеръ ничего не ѣлъ и не пилъ за обѣдомъ, быть можетъ въ виду того, что, по слухамъ, онъ обыкновенно ѣстъ раньше, а потомъ является на официальные банкеты, а можетъ быть вслѣдствіе состоянія его горла. Зато Фердинандъ ѣлъ каждаго блюда съ аппетитомъ и съ видимымъ удовольствіемъ тянулъ какое-то особенное бѣлое вино. Онъ имѣлъ видъ крайне самодовольный и, видимо, гордился тѣмъ, что больной кайзеръ пропутешествовалъ двое сутокъ, чтобы присутствовать на „его“ банкетѣ.

Когда встали изъ-за стола, еще больше бросилась въ глаза разница между двумя правителями. Хотя Вильгельмъ рядомъ съ большимъ и грузнымъ Фердинандомъ казался маленькаго роста, хотъ онъ выглядѣлъ старымъ, сѣдымъ, морщинистымъ, больнымъ и усталымъ, все же онъ держался прямо, какъ на смотру своей гвардіи, и въ немъ виденъ былъ императоръ, ярко отличающійся отъ тяжеловѣсной, неуклюжей фигуры болгарскаго правителя.

Среди приглашенныхъ находились оба болгарскихъ королевича. Наслѣдный королевичъ Борисъ является должно быть страшнымъ разочарованіемъ для своего отца; тощій, съ округленными плечами, тупымъ выраженіемъ лица, онъ выглядывалъ усталымъ и значительно старше своихъ лѣтъ; если бы не мундиръ, его можно было бы принять за прислугу. Королевичъ Кирилъ выглядить нѣсколько лучше своего брата, но и имъ отецъ не имѣетъ основанія гордиться; оба принца сидѣли между германскими офицерами и совершенно стушевались своею ничтожностью.

Очень забавенъ отзывъ корреспондента одной изъ германскихъ газетъ объ историческомъ банкетѣ въ Нишѣ. Онъ увѣряетъ, что кайзеръ былъ въ веселомъ и даже игривомъ настроеніи духа, что онъ поднялъ принца Кирилла и подбрасывалъ его въ воздухъ; наконецъ посадилъ къ себѣ на колѣни и поцѣловалъ. Нѣмецкій корреспондентъ, очевидно, позабылъ о сухой рукѣ Вильгельма; онъ

не можетъ „подбрасывать“ даже ребенка, Кирилль же—взрослый молодой человекъ, а наружность его настолько непривлекательна, что даже при всей „дипломатіи“ кайзеру едва-ли пришло бы въ голову поцѣловать его. Нѣмецкій журналистъ не въ мѣру перестарался.

Рѣчи во время банкета были политическаго характера и хвастливаго содержанія; онѣ извѣстны изъ печати, и авторъ замѣтокъ былъ слишкомъ взволнованъ, чтобы записывать ихъ, а заимствовалъ содержаніе ихъ изъ газеты „Times“. Фердинандъ говорилъ по-нѣмецки, за исключеніемъ послѣдней фразы, произнесенной по-латыни. Когда былъ поданъ кофе и „бисмарковскія“ сигары, поднялся Фердинандъ, и тотчасъ воцарилось молчаніе. Онъ говорилъ плавно на отличномъ нѣмецкомъ языкѣ и безъ помощи замѣтокъ.

Въ началѣ рѣчи онъ упомянулъ, что въ этотъ день исполнилось 250 лѣтъ со дня коронованія перваго прусскаго короля Фридриха I-го и учрежденія имъ ордена Краснаго Орла.

Теперь императоръ, послѣ славныхъ побѣдъ своихъ войскъ, можетъ въ безопасности пребывать въ прежней римской крѣпости Нишѣ. Ораторъ благодарилъ кайзера за посѣщеніе, закрѣпляющее союзъ между обѣими странами. Миръ, продолжалъ онъ, съ удивленіемъ и восхищеніемъ одѣнываетъ мощь Германіи и ея союзниковъ и вѣритъ въ непобѣдимость германской арміи подъ руководствомъ ея кайзера. Ораторъ выразилъ надежду, что 1916 годъ принесетъ прочный миръ—священный плодъ „нашихъ“ побѣдъ, который дастъ возможность болгарскому народу впредь содѣйствовать культурной работѣ. Но если по волѣ судьбы придется продолжать войну, то болгарскій вооруженный народъ до конца будетъ готовъ исполнить свой долгъ. Тутъ Фердинанду, вѣроятно, показалось, что нѣмецкій языкъ недостаточенъ для выраженія полноты его чувствъ, а для этого нуженъ языкъ классическій, и онъ произнесъ по-латыни: „слава тебѣ, императоръ, цезарь и король, побѣдоносный и славный. Въ древнемъ Нишѣ тебя привѣтствуютъ народы Востока, тебя, искупителя, приносящаго угнетеннымъ преуспѣваніе и благодать“. Все это было сказано человеку, который съ видимымъ напряженіемъ выносилъ тягость положенія и безпрестанно кашлялъ въ свой турецкій платокъ.

Отвѣтная рѣчь императора никогда не была произнесена, а „разослана“ по распоряженію властей, по той простой причинѣ, что кайзеръ, вслѣдствіе душившаго его кашля, не могъ произнести ее.

Въ текстѣ своей рѣчи Вильгельмъ отмѣчаетъ, что онъ уже второй разъ въ теченіе войны празднуетъ годовщину учрежденія ордена Краснаго Орла и на этотъ разъ въ исторической прекрасной мѣстности, завоеванной храбростью болгаръ, принятыи королемъ среди его доблестныхъ войскъ и удостоенный высокимъ орденомъ и назначеніемъ шефомъ 12-го болгарскаго пѣхотнаго полка.

„Наши враги, изъ зависти къ мирному и двѣтушему благосостоянію Германіи и Австро-Венгріи“, говорится далѣе въ рѣчи, — „бросили намъ вызовъ и съ легкимъ сердцемъ подвергли опасности развитіе культуры всей Европы съ цѣлью нанести намъ и нашимъ вѣрнымъ союзникамъ ударъ въ самомъ корнѣ нашей мощи. Мы прошли черезъ тяжелую борьбу, которая вскорѣ получить дальнѣйшее развитіе. Когда тѣ же враги стали грозить Турціи, она присоединилась къ намъ и въ упорной борьбѣ обезпечила свое міровое положеніе.

Осторожность убѣдила ваше величество, что для Болгаріи и для васъ настала часъ выступить съ давними и справедливыми требованіями для открытія вашей мужественной странѣ дороги къ славной будущности. Въ истинномъ товариществѣ славное триумфальное шествіе вооруженнаго народа вашего величества подъ руководствомъ ея военнаго вождя одинъ за другимъ вплело божественныя лавры славы въ исторію Болгаріи. Желая выразить мои чувства по поводу такихъ дѣяній, я просилъ ваше величество принять званіе прусскаго фельдмаршала и вмѣстѣ съ моею арміею я счастливъ, что вы, принявъ его, и въ этомъ отношеніи стали однимъ изъ нашихъ.

Съ Божьей помощью великія дѣла были совершены здѣсь и на всѣхъ другихъ фронтахъ. Я испытываю чувства глубокой благодарности Всевышнему за то, что мнѣ довелось сегодня въ этомъ историческомъ мѣстѣ, вновь освященномъ героической кровью, среди нашихъ доблестныхъ войскъ, позвать руку вашего величества и внимать вашимъ словамъ, въ которыхъ вы выразили твердое рѣшеніе сражаться за успѣшный и прочный миръ и продолжать вѣрность и дружбу, запечатлѣнную въ ураганѣ войны, въ вѣрноп, общей работѣ къ достиженію высокой цѣли, воз-

проливать болгарскую кровь во имя моихъ нѣмецкихъ интересовъ. Въ такомъ случаѣ да здравствуетъ твоя армія и оцѣмеченная Болгарія!". Единственнымъ ораторомъ на банкетѣ, кромѣ Фердинанда, фактически выступалъ генераль Фалькенхайнъ, коротко благодарившій Фердинанда за обращенныя къ нему лестныя слова.

Собраніе закончилось подъ звуки національныхъ гимновъ обѣихъ странъ; послѣднее впечатлѣніе отъ него было, что Фердинандъ, съ многозначительнымъ взглядомъ въ своихъ маленькихъ лисьихъ глазахъ, обѣими руками пожималъ правую руку кайзера, какъ бы подчеркивая этимъ важное соглашеніе.

Тотчасъ послѣ банкета присутствовавшіе на немъ журналисты бросились въ телеграфное бюро, но они очевидно позабыли о германской цензурѣ, которая распорядилась своевременно закрыть бюро, дабы не было распространено никакихъ извѣстій о банкетѣ до появленія оффиціального сообщенія.

Авторъ съ трепетомъ вспоминаетъ о своемъ волненіи во время этой трапезы и грозившей ему опасности, если бы кто-либо изъ присутствующихъ узналъ его—корреспондента ненавистой нѣмцамъ британской газеты. Онъ не припомнить, ѣлъ ли онъ что-нибудь за обѣдомъ, и отмѣчаетъ, что вѣроятно даже Вильгельмъ не чувствовалъ себя хуже его самого. Онъ понялъ, что это былъ кульминаціонный пунктъ его поѣздки, и рѣшилъ, воспользовавшись балканскимъ экспрессомъ, возможно скорѣе вернуться восвояси.

• (Продолженіе слѣдуетъ).

П. В.

